

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-1-99-105

УДК 316.74

Содержание статьи

Информация о статье

*Д.Р. Гильмутдинов*¹

Введение
«Концептуальный вакуум»
Образ «российского ислама»
Заключение

Поступила в редакцию: 06.02.2023
Передана на рецензию: 13.02.2023
Получена рецензия: 27.02.2023
Принята в номер: 24.03.2023

**Рецензия на книгу «История ислама в России»
(под общ. ред. Р.М. Мухаметшина. – Киров, 2022. – 616 с.)**

ОСП «Центр исламоведческих исследований АН РТ»; ascoldan@gmail.com

В рецензии представлен анализ концептуального содержания коллективной монографии «История ислама в России» в сравнении с вышедшими недавно подобными же изданиями. Наряду с положительными моментами (качеством материала и полиграфии, особенностями исторического взгляда авторов, целостностью общей задумки) выделены и недостатки.

Опора на советскую историко-религиоведческую школу и её представителей обернулась подменой истории ислама, демонстрацией политической истории мусульманских народов России. Описательность, сухость и аморфность изложения в ущерб источниковой конкретности и неизменной духовности обесценили представленный материал.

Несмотря на имеющиеся недостатки, данное издание представляет собой серьёзный и полезный для разных категорий читателей труд. Монография подкреплена библиографическим аппаратом, снабжена иллюстрациями, кратким содержанием на английском и арабском языках.

Ключевые слова: *история ислама в России, джадидизм, татарское богословие, исламская традиционность.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-1-99-105

UDC 316.74

Content of the article

Information about the article

*D.R. Gilmutdinov*²

Introduction.
“Conceptual vacuum”.
The image of “Russian Islam”.
Conclusion.

Received: 06.02.2023
Submitted for review: 13.02.2023
Review received: 27.02.2023
Accepted for publication: 24.03.2023

¹ *Данияр Рустамович Гильмутдинов* – с. н. с. Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, к. ист. н.

² *Daniyar Rustamovich Gilmutdinov* – Cand. Sc. (History), senior researcher, the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

**Review of the book “The History of Islam in Russia”
(edited by R.M. Mukhametshin. – Kirov, 2022. – 616 p.)**

*The Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan;
ascoldan@gmail.com*

The review presents an analysis of the conceptual framework of the collective monograph “History of Islam in Russia” in a comparative dimension with similar recently published works. Along with the strong aspects of the monograph (the quality of the material and printing, the peculiarities of the historical view of the authors, the integrity of the general idea), some shortcomings are also highlighted. The reliance on the Soviet historical and religious school and its representatives turned into a substitution of the history of Islam for a demonstration of the political history of the Muslim peoples of Russia. Descriptiveness, dryness and amorphousness of style instead of focusing on source specificity and unchanging spirituality have somewhat devalued the presented material. Despite the shortcomings, this edition is a serious and useful work for different categories of readers. The monograph is supplemented with a serious bibliographic apparatus, provided with illustrations and a summary in English and Arabic.

Keywords: *History of Islam in Russia, Jadidism, Tatar theology, Islamic tradition.*

Введение

Представленная к анализу работа – это солидное «витринное» подарочное издание. Руководитель авторского коллектива объединил учёных, которые занимаются избранной темой в течение длительного времени. Материал скомпонован логично: сначала идёт история проникновения ислама и связь его с администрацией региона вплоть до современности, затем идейное наследие, суфизм, создание и функционирование институтов (официальных, благотворительных, мечетей и применение шариатских норм), проявление исламской составляющей в современности (в законах, политике, во внутрирелигиозном мировоззрении, экономике и частной жизни), а также духовная культура. Книгу можно использовать и как учебник, и как научную монографию (почти на каждой странице даны сноски, а в конце приведён библиографический список, состоящий более чем из 700 наименований источников и литературы). Одним словом – серьёзный труд. Авторы коллективной монографии правильно поняли поставленную задачу – они как будто продолжают мысли другого, лишь изредка повторяясь.

«Концептуальный вакуум»

На наш взгляд, подобный формат репрезентации развития ислама уже не отвечает требованиям времени. Общество сегодня нуждается в более исламских «историях ислама». Да, книга получилась очень объёмной и направления ислама здесь тоже присутствуют. Однако концептуальная неоформленность привела к тому, что в книге с данным названием можно было опубликовать или заменить параграфы материалами по этнографии (одежда, праздники, еда), литературе (где отображается традиционная культура народа), добавить материалы, связанные с обычаями, народными и синкретическими формами ислама, отношением к «халял», бытованием арабизмов в языке и т. д. Для авторов этот «попутный» материал, ввиду отсутствия освещения этой темы в других форматах, должен был стать программным, отражающим концепцию исламского мировоззрения (ислама как такового) и «исламности» (форм выполнения приказов Всевышнего). Отсутствие концепции и исламоцентричности привело к описательности и бессистемности, хотя логико-тематически собранный материал достаточно обоснован.

В последние годы увидели свет несколько подобных монографий – «Российский ислам (Очерки истории и культуры) А. Аликберова, В. Бобровникова и А. Бустанова (2018), «История ислама в России» Д. Мухетдинова (2019), которые как бы раскрывают концепцию «государственного», официального ислама, прошедшего долгий путь адаптации к местной

политической реальности. Мы решили обратить внимание на последнюю по времени из них, так как она не была выпущена за счёт российского гранта. Книга была опубликована на средства «Всемирного совета мусульманских сообществ» – организации, созданной в 2018 г. в Абу-Даби, которая объединяет мусульманские меньшинства во всём мире. Цели Совета – сохранение взаимоотношений с государством, улучшение в будущем по сравнению с прошлым, помощь в воспитании достойных граждан в гражданском, культурном и религиозном отношениях. С концептуальной точки зрения внимание привлекает одна фраза, заключающая презентационный ролик данной организации: «*تصحيح الصورة النمطية عن الاسلام و المجتمعات المسلمة*» «исправление образа своеобразия ислама и мусульманских сообществ». Под этим, на наш взгляд, подразумевается местная «кизоминка», которая в научном издании подавлена нагромождением фактов. Авторы этой коллективной монографии обогатили книгу интересными фактами и последовательной логикой изложения, однако акцент на событиях политической истории в ущерб исламскому источниковедению формализовал и во многом обесценил имеющийся материал.

Концептуальное сопровождение издания взял на себя руководитель проекта, ректор Российского исламского института в Казани Р.М. Мухаметшин. Было обращено внимание на три методологических принципа, которые он обозначил и которыми, по-видимому, руководствовался. Во-первых, название «История ислама в России» напоминает академическое изучение некоего религиозного феномена извне, например можно себе представить книгу «История ислама в Германии». Но даже последняя воображаемая книга не обошлась бы без «оживляющих» биографий отдельных личностей, их трудов. Ну, конечно, данный проект не может не быть сравнительно-религиоведческим – ислам в стране изучается в сравнении с другими крупными религиями внутри страны и с исламом в территориально и культурно близких странах. Однако даже параграф про Таврический «муфтият» никак не связан с соседним, описывающим давно существующий и «родной» Оренбургский (хотя как минимум богословские взаимоотношения известны). Вышеперечисленные книги (и, к сожалению, анализируемая нами) страдают подменой – вместо «формы ислама» нам представлена политическая история «мусульман без ислама». А ведь хочется напомнить, что ислам в России уникален – он одновременно коренной (то есть ислам был принят в собственном средневековом государстве, которое было введено в состав более крупного), но по факту имеет диаспорную сущность и структуру, то есть коренной народ был лишён собственного административного управления. Вторая мысль, выраженная во «Введении», заключается в принятии идеи о равенстве мировых исламских регионов, которую сформулировал в своём энциклопедическом словаре «Ислам на территории бывшей Российской империи» С. Прозоров [6, с. 8]. Данная мысль лишает книгу историчности, подкреплённости источниками и фактами (эта антиисторичность ещё больше проявится в третьем пункте, анализ которого представим ниже).

Никто из татарских богословов (возможно, помимо общественных деятелей, таких, как И. Гаспринский) не считал Россию исламским центром. Да, местная исламская традиция имеет право на существование, а исламские элементы, присущие местному населению свидетельствовали, о том, что его часть относилась к исламской умме. Однако вся богословская работа на территории к северу от Средней Азии и Ближнего Востока заключалась в выборе ученых из числа крупнейших богословов, живущих в мировых центрах. Это касалось даже времени Золотой Орды, когда здесь вели свою деятельность крупнейшие мусульманские учёные. Следование за российскими востоковедами, для которых из-за отсутствия привязанности к «территории» все «исламы» равны (хотя для большинства из них местный ислам не представлял ни научного, ни политического интереса), действительно, может привести к идее исламоцентричности России; однако это самовнушение, в реальности лопающееся, как мыльный пузырь, обернулось изоляцией и оторванностью от источника истины и исламского интеллектуализма.

Наконец, последнее умозаключение редактора монографии о том, что *джадидизм* и *мусульманский реформизм* представляют собой разные, непересекающиеся феномены, также очень слабо фундировано источниками и исторической реальностью. Джадидизм представлял собой только техническое переоснащение, усовершенствование методов преподавания, сокращающих общий срок обучения основам грамотности. Автор сравнивает «идеальные» типы феноменов – крымского джадидизма и египетского мусульманского реформаторства. Это некая «схоластика» и отсутствие историчности... Введение светских предметов (немусульманских, с немусульманскими «героями») в медресе сразу поменяло ориентиры шакирдов. Вследствие этого возникло противостояние шакирдов и администрации в дореволюционных медресе.

Светское образование, чередуемое с религиозным, не могло не привести к изменению образа религии, особенно у не имеющих интеллектуального кругозора молодых людей. Происходило «очарование» светской учёностью. Этот процесс нельзя не заметить у дореволюционных татар. Таким образом, желаемое выдавалось за действительное. Факты говорили о том, что джадид был не против «мусульманского реформаторства» (конечно, до определённого момента). Описанная теория – это «осовременивание» прошлого. Тогда путь к Корану и хадисам был закрыт. Сегодня значительно больше информационных возможностей, поэтому особенности мазхаба известны и описаны подробно. До революции научно-технические достижения нач. XX в. в казанском татарском обществе способствовали развитию более тесного контакта с развитыми мусульманскими странами, где были другие мазхабы, другое понимание ислама и т. д. Говорится об опыте Турции для отдаления джадидизма от неправильных исламских идей. Но реформаторство – это не только и даже не столько искажение ислама, а в первую очередь единство мусульман и возврат к первым трем векам ислама. В качестве примера приводится личность И. Гаспринского, который не хотел возвращения к прошлому, «видя» лишь будущее. Это было только из-за того, что он не был мусульманским богословом. Например, Р. Фахретдинов и Ш. Марджани были за возврат, хотя они не исказили ислам (только в допустимой мере). Но у них мусульманские лозунги сливались с принятием наук. Таким образом, данное разделение на *джадидизм* и *реформаторство* довольно искусственно. Показывая эволюцию татарской теологии, можно декларировать, что концепция иджтихада Марджани была выхолощена в пользу абсолютизации «иджтихада». Примеры не приводились. После этого очень грубо: «Реформаторы в «иджтихаде» видели открытый отказ от исламского прошлого в пользу европеизации...» [7, с. 218].

Можно отметить зачатки описания исламского своеобразия. Один из самых ранних суфиев ад-Дарбанди, оставивший уникальное описание исламского мировоззрения в Дербенте домонгольской поры, упоминается вскользь: «Это энциклопедия, словарь суфийских терминов и общеисламских понятий, используемых суфиями. Из нее понятно, что на Кавказе ислам принял форму суфизма и оно имеет особую ценность для понимания процессов формирования локальных особенностей ислама на Северном Кавказе» [7, с. 242]. В книге же «Российский ислам» труд ад-Дарбанди является ключевым в описании ислама на Кавказе, но здесь нет примеров и не понятно, о каких локальных особенностях идет речь. Раздел про музыку практически полностью основан на отношении к музыке в богословских произведениях, что является приятным исключением.

Образ «российского ислама»

На наш взгляд, следует остановиться и на концепции «российский ислам», на описание и структурирование которой претендуют вышеприведённые авторы. Основная мысль анализируемой книги татароцентрична. Дагестанцы, как кажется, механически (возможно даже случайно) попадают в список тюрко-татарских богословов. Между коллегами с Кавказа наблюдаются расхождения по вопросу «мюридизма». Заключение достаточно оптимистичное – заявляется о необходимости привлекать молодёжь к

официальному исламу независимо от убеждений. Если говорить о «тёзке», одноименной книге «История ислама в России» Д. Мухетдинова, то нужно отметить, что весь материал здесь основан на русских летописях. Соответственно о тюрках пишется в средневековых выражениях «Неврюева», «Дюденева» рать и т. д. Автор явно проявляет невнимание к особенностям классического татарского богословия. Он пишет, что А. Курсави не хотел выходить за рамки ханафитского мазхаба [10, с. 161], а М. Рамзи стремился синтезировать мусульманскую образовательную традицию с методами западной науки [10, с. 164]. Последняя фраза верна только в отношении некоторых технических новшеств (парты, стулья...). Тем не менее, Д. Мухетдинов более близко подошёл к созданию единой концепции «российского ислама». Иногда он указывал на время, когда такой единый феномен действительно существовал, например в 90-е годы XX в.

Интересно описание внутригосударственного исламского единства в книге «Российский ислам». К сожалению, здесь остается ощущение некоего «темного пятна» в методологии о наличии мусульманского мира и локальной формы бытования ислама (территории муфтията, мест обитания народа или тейпов) [2, с. 13], т. е. совсем игнорируется период оформления ислама на территории как официальной религии независимых обществ (элементы чего не могут не сохраниться). Из взятых для изучения аспектов берутся самые перспективные и неизученные (т. е. семейные и суфийские связи, голос отдельного человека и т. д.), т. е., на наш взгляд, некий «маргинальный ислам». Конечно, здесь не хватает точки зрения богословов, причём не в описательном виде, а с точки зрения главного приоритета – что есть, а чего нет в локальной (родной) версии ислама. Монография «Российский ислам» скорее показывает средневековый Дербент частью Арабского халифата, а не России (хотя глава о Дербенте до монгольского нашествия называется почему-то «Формативный период российского ислама»).

За образец же везде берётся самостоятельно или одновременно с другими лицами фигура И. Гаспринского. Это также показывает «ориенталистскую» сущность исследователей: «зачем нам брать мусульманских богословов, если есть пример И. Гаспринского?». Гаспринский предстает практически единственной репрезентацией мусульман в книге Ю. Гусевой, О. Сенюткиной и В. Христофорова «Пытаясь понять и вообразить ислам» [5], повествующей об эволюции образа «исламской угрозы» у дореволюционного чиновничества.

На наш взгляд, можно выстроить иерархию «исламскости» монографий о российском исламе. К И. Гаспринскому, Ю. Гусевой А. Аликберов добавляет шейха Тантави и А. Казем-бека (они приводятся как элемент привлечения мусульман в государственную деятельность). Д. Мухетдинов к этому добавляет русские летописи, описывающие кочевников-тюрков до поглощения Россией. Наконец, Р. Мухаметшин заполняет оставшиеся пустыми места прессой, шамаилями, музыкой, «шумом» новостных лент последних десятилетий об исламской экономике, фамилиями благотворителей. То есть в последнем, анализируемом нами варианте, по-видимому, победил регионализм. Единой концепции так и не сложилось.

Заключение

Что же является объектом изучения ислама? Об этом интересные мысли высказал социолог религии Т. Асад. В статье 1986 г. «Идея антропологии ислама» он писал: «Большинство антропологов ислама, как эссенциалистского, так и номиналистского направления, слишком широко определили свою предметную область. Изучение антропологии ислама следует начинать, как делают сами мусульмане, с концепции дискурсивной традиции, включающей в себя (...) базовые тексты Корана и хадисов. Ислам не является ни особой социальной структурой, ни гетерогенной совокупностью верований, артефактов, обычаев и нравов. Ислам – это традиция» [3, с. 55]. «Поэтому антрополог

ислама должен начинать с изучения организованных практик (помещенных в конкретный контекст, с конкретной историей), внутри которых мусульмане выступают в качестве мусульман» [3, с. 56]. «Нет и не может быть никакого универсального описания живой традиции. Любая ее репрезентация дискуссионна» [3, с. 58].

В одной из последних книг (Секулярные трансляции (национальное государство, модернизированное «я» и вычисляемая причина), 2018) Т. Асад, по-видимому, оставляет только связь с Кораном и Сунной. Про дискурс он пишет так: «Дискурсивная традиция не синоним религии или отсутствия секулярной свободы» [1, с. 92], хотя некоторые учёные «пытаются приспособить свой образ жизни к традиции», «они говорят, что то, что думалось, находится „вне“, а на самом деле оно „внутри“» [1, с. 93] – «поэтому апелляция к традиции – это научиться жить без доказательств (justification)», то есть естественно, без отсылок к некоему идеальному времени. Таким образом, традиция – это некие форма и уровень сознания, мировоззрения, проявляющие себя в мирском. В любом случае это традиция ислама, а не изменение отношения к нему, тем более если в качестве методологии выбрана демонстрация периферии одним из центров мировой религии.

Литература

1. Asad T. *Secular Translations: Nation-State, Modern Self, and Calculative Reason*. – New York: Columbia University Press, 2018. – 222 p.
2. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. *Российский ислам: Очерки истории и культуры / Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир»*. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018. – 456 с.
3. Асад Т. Идея антропологии ислама // *Islamology*. 2017. Т. 7, № 1. – С. 41–60.
4. Батунский М.А. *Россия и ислам: в 3 т.* – М.: Прогресс-Традиция, 2003. Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 600 с.; Т. 3. – 256 с.
5. Гусева Ю.Н., Сеньюткина О.Н., Христофоров В.С. *Пытаясь понять и вообразить ислам...* – М.: Медина, 2021. – 460 с.
6. *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь*. – М. Вып. 1. – 1998. – 159 с.; Вып. 2. – 1999. – 167 с.; Вып. 3. – 2001. – 184 с.; Вып. 4. – 2003. – 160 с.; Вып. 5. – 2012. – 232 с.
7. *История ислама в России / под общ. ред. Р.М. Мухаметшина*. – Киров, 2022. – 616 с.
8. Ланда Р.Г. *Ислам в истории России / РАН. Ин-т востоковедения*. – М.: Восточная литература РАН, 1995. – 312 с.
9. Малахов В., Летняков Д. *Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018. № 2. – С. 248–271.
10. Мухетдинов Д.В. *История ислама в России: учебное пособие / под общ. ред. В.В. Треповлова*. – М.: Садр; Медина, 2019. – 296 с.

References

1. Asad T. *Secular Translations: Nation- State, Modern Self, and Calculative Reason*. – New York: Columbia University Press. 2018. – 222 p.
2. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., Bustanov A.K. *Rossiiskij islam: Oчерki istorii i kul'tury / Gruppy strategicheskogo videnija «Rossija – Islamskij mir» [The Russian Islam: Sketches of History and Culture / Group of Strategic Vision "Russia – Islamic World"]*. – Moscow: IV RAN, 2018. – 456 p. (In Russian)
3. Asad T. *Ideja antropologii islama [The Idea of Islamic Anthropology] // Islamology*. 2017. Vol. 7, No. 1. – Pp. 41–60. (In Russian)
4. Batunskij M.A. *Rossija i islam [Russia and Islam]*. Vols. 1–3. М.: Progress-Tradicija, 2003. Vol. 1. – 384 p.; Vol. 2. – 600 p.; Vol. 3. – 256 p. (In Russian)

5. Guseva Ju.N., Senjutkina O.N., Hristoforov V.S. *Pytajas' ponjat' i voobrazit' islam... [Trying to Understand and Imagine Islam]* – Moscow: Medina, 2021. – 460 p. (In Russian)
6. *Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii. Jenciklopedicheskiy slovar'. Vyp. 1 [Islam in the Territory of the Former Russian Empire. An Encyclopedic Dictionary]. I. 1.* Moscow, 1998. – 159 p.; I. 2. 1999. – 167 p.; I. 3. 2001. – 184 p.; I. 4. 2003. – 160 p.; I. 5. 2012. – 232 p. (In Russian)
7. *Istorija islama v Rossii/ pod obshhej redakciej R.M. Muhametshina [The History of Islam in Russia (Ed. R.M. Muhametshin)].* Kirov. 2022. – 616 p. (in Russian)
8. Landa R.G. *Islam v istorii Rossii [Islam in the History of Russia]/ RAN. In-t vostokovedeniya [RUS, Institute for Oriental Studies].* – Moscow: Vostochnaja literatura. 1995. – 312 p. (In Russian)
9. Malahov V., Letnjakov D. *Islam v vosprijatii rossijskim obshhestvom: sravnitel'no-politicheskiy aspekt [Islam as Perceived by the Russian Society: Comparative Political Aspect] // Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Abroad].* 2018. No 2. – Pp. 248–271. (In Russian)
10. Muhetdinov D.V. *Istorija islama v Rossii: uchebnoe posobie [The History of Islam in Russia: Study guide] / pod obshh. red. V.V. Trepovlova [V.V. Treplova (Ed.)].* – Moscow: Sadra; Medina Publishers. 2019. – 296 p. (In Russian)